

Николай Гавриловичъ Чернышевскій¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Х. Д о м о й.

Ѣти Чернышевскаго долго просили правительство возвратить отца въ Россію. Наконецъ, эта просьба была уважена. Николаю Гавриловичу дозволили возвратиться въ Россію и жить въ Астрахани.

По предположеніямъ и разнымъ соображеніямъ, онъ могъ прѣхать въ Астрахань только къ Рождеству, но Ольга Сократовна не вытерпѣла и въ октябрѣ мѣсяцѣ отправилась въ Саратовъ.

Радостное извѣстіе о своемъ возвращеніи Н. Г. получилъ въ Вилюйскѣ 30 августа 1883 г., и въ этотъ же день уѣхалъ оттуда. Такъ какъ онъ о Сибири вообще не любилъ говорить, то о своей жизни тамъ Н. Г. упоминалъ лишь къ слову. Дорогой онъ нигдѣ не останавливался на продолжительное время, — ѣхалъ безостановочно. Одинъ губернаторъ предложилъ было ему отдохнуть у него нѣсколько дней, но „я“, говорилъ Н. Г., „только пообѣдалъ у него“. Между тѣмъ, путешествіе было не изъ пріятныхъ. Въ одномъ мѣстѣ можно было ѣхать только верхомъ, а Николай Гавриловичъ никогда не путешествовалъ такимъ образомъ, онъ не умѣлъ даже сидѣть на лошади. Тогда для него сдѣлали нѣчто въ родѣ дровней, что напоминало Чернышевскому юношескіе годы, когда Н. Г. катался зимой съ горъ на салазкахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ, которые ожидали ссыльнаго. Буду говорить словами двоюродной сестры Чернышевскаго.

Николай Гавриловичъ долженъ былъ проѣхать черезъ Саратовъ. „Наканунѣ праздника (Казанской Божіей Матери), 21 октября, вечеромъ, часовъ около семи, сидимъ мы дома. Приходитъ горничная и подаетъ записку Ольгѣ Сократовнѣ. Та прочитала записку, взволновалась, хватается вещи. Она даетъ мнѣ читать эту записку, писанную Николаемъ Гавриловичемъ: „Пріѣзжай ко мнѣ, но никому не говори“.

Обычно О. С. никогда не выѣзжала такъ поздно вечеромъ. Всѣ слышали, что она куда-то поѣхала въ такое время, въ какое она никогда не выѣзжаетъ, и потому обратили на это вниманіе. Я успокоила домашнихъ, сказавъ имъ, что изъ Петербурга пріѣхала одна знакомая, которая и попросила къ себѣ Ольгу Сократовну. Въ это время была больна моя мать (Александра Егоровна, тетка Н. Г., которая вскорѣ и умерла), и я не хотѣла ее тревожить, зная, какъ ей было тяжело не видѣться съ Николаемъ Гавриловичемъ.

Черезъ часъ та же горничная пріѣзжаетъ и за мной, съ запиской отъ Ольги Сократовны. Я тоже взволновалась. Пріѣзжаю. Тамъ (у жандарма П. И. Гусева) уже было готово угощеніе: на столѣ стояли чай и фрукты. Увидѣвъ его (Н. Г.—ча), я разрыдалась: со мной—истерика отъ волненія. „Безсовѣстная“ говорю Ольгѣ Сократовнѣ, зачѣмъ лишаете другихъ видѣть его?!..

Ольга Сократовна была несравненно спокойнѣе, но я была огорчена и за себя, и за мать, которая рискуетъ совсѣмъ не видѣть его. Каково это ей? Прійти сюда или пріѣхать мать не можетъ,—она больна. Н. Г. взялъ меня въ другую комнату, посадилъ себѣ на колѣни и успокоилъ.

П. И. Гусевъ, человекъ въ высшей степени добрый, постоянно то входилъ, то выходилъ изъ комнаты, въ которой мы были, и все время угощалъ насъ и Николая Гавриловича. Видя наше огорченіе, онъ сказалъ, что не зналъ всѣхъ обстоятельствъ. „Я не зналъ“, говорилъ онъ, „что у васъ есть родные, которые желаютъ васъ видѣть. Мнѣ дано было предписаніе, чтобы свиданіе произошло безъ огласки, чтобы не былъ оглашенъ пріѣздъ Н. Г. въ Саратовъ. Согласно инструкціи, я и попросилъ Ольгу Сократовну пріѣхать сюда. Мы рисковали встрѣтить у васъ общество, а нашъ мундиръ—такого рода, что невольно обращаетъ на себя вниманіе“.

Гусеву сказали: „Мы ведемъ такой образъ жизни, что вы не рисковали никого встрѣтить у насъ“. Тотъ предложилъ, что можно устроить свиданіе и съ Александрой Егоровной, но Н. Г. не хотѣлъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ П. И. Дѣло въ

томъ, что Николай Гавриловичъ опасался повредить состоянію своей больной тетки своимъ непродолжительнымъ пребываніемъ въ сопровожденіи жандармовъ. Поэтому онъ и отказался отъ свиданія съ ней. Н. Г. просилъ П. И. Гусева, чтобы тотъ поступалъ согласно инструкціи.

Гусевъ приготовилъ было для Николая Гавриловича постель и ужинъ, но онъ не хотѣлъ оставаться ночевать: ему хотѣлось ѣхать безостановочно. Чтобы никого не стѣснять, онъ рѣшилъ уѣхать изъ Саратова тутъ же, лишь только уйдутъ жена и двоюродная сестра.

П. И. говорилъ ему: „Останьтесь, отдохните!“ Но Н. Г. просилъ поскорѣе распорядиться на счетъ лошадей. Онъ соглашался остаться на ночь въ Саратовѣ подъ однимъ условіемъ,—если у него просидятъ жена и двоюродная сестра. Но онѣ не могли этого сдѣлать: отсутствіе ихъ въ продолженіе цѣлой ночи сильно потревожило бы больную. Къ тому же, О. С. нужно было скорѣе собираться ѣхать въ Астрахань: пароходы въ это время уже кончали навигацію. До Астрахани ходили одни волжскіе пароходы, да и тѣ дѣлали уже послѣдніе рейсы.

Когда мы вышли на улицу, то вслѣдъ за нами уѣхалъ и Николай Гавриловичъ. Тутъ же извѣстили дѣтей, жившихъ въ Петербургѣ, о проѣздѣ Н. Г. въ Астрахань, а на другой день сообщили имъ о желаніи отца, чтобы они ѣхали весной къ нему для свиданія. Но дѣти, по полученіи телеграммы, тутъ же выѣхали изъ Петербурга въ Астрахань“.

ХІ. Астрахань.

Н. Г. пріѣхалъ въ Астрахань. „Я“, говоритъ Ольга Сократовна, „отправилась къ нему изъ Саратова, взявъ съ собой около ста рублей, полученныхъ съ квартирантовъ (дома Чернышевскихъ), но эти деньги скоро вышли. Н. Г. мнѣ очень обрадовался.

„Первое время помѣщались въ номерахъ, что стояло очень дорого, а затѣмъ наняли квартиру и обставили ее мебелью,—вотъ почему деньги вышли такъ скоро. Знакомыхъ у насъ тамъ не было, занять (деньги)—не у кого. А Николай Гавриловичъ пріѣхалъ безъ гроша. Сначала у насъ ничего не было: ни мебели, ни посуды, а у Н. Г. не было и одежды. Онъ хотѣлъ работать, но никакой работы не было и даже не предвидѣлось. А. Н. Пыпинъ выручилъ насъ,—прислалъ денегъ, но Н. Г.—чу хотѣлось работать. Пыпинъ прислалъ ему книгу для перевода, но она показала Николаю Гавриловичу слишкомъ ничтожной, чтобы ее пе-

реводить. Онъ хотѣлъ серьезной работы. Будучи въ высшей степени хладнокровнымъ и деликатнымъ, Н. Г. часто вскрикивалъ при чтеніи книги: „Чортъ знаетъ, какая книга! Мнѣ не такую чушь надо переводить!“

Скоро пріѣхали къ намъ и дѣти, пріѣздъ которыхъ обрадовалъ Н. Г.

Въ это время съ нимъ была сильнѣйшая ажитация; бывало, спишь ночью, — проснешься, слышишь: онъ декламируетъ стихи, потомъ сдѣлается истерика, — разрыдается. Я тоже разрыдаюсь: жалко его. Въ обычное время — онъ веселъ, анекдотами такъ и сыплеть, постоянно острить и хохочетъ, — потѣшается надо мной. И онъ, и я — нервные. Впослѣдствіи онъ сдѣлался раздражительнымъ, недовольнымъ, и я стала раздражаться. Ну, онъ и сердится на меня. „Ахъ, оставьте меня въ покоѣ“, скажетъ.

Пищею для Н. Г. служили: каша, молоко и чай. Онъ любилъ простоту въ всемъ: фуражка у него была простая, онъ не носилъ ни палки, ни зонтика никогда не имѣлъ. Только для визитовъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ цилиндръ и фракъ; зонтъ я пріобрѣла ему въ Саратовѣ.

ХII. Саратовъ.

Николай Гавриловичъ получилъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему угодно; уѣзжать изъ Астрахани, гдѣ онъ сошелся со многими, ему не хотѣлось, но Ольга Сократовна пожелала жить на родинѣ.

Поселившись въ Саратовѣ послѣ переѣзда изъ Астрахани 28 іюня 1889 г., Н. Г. снялъ квартиру въ домѣ Никольскаго, противъ бульвара. Собственный же домъ Н. Г., существующій и теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Николаѣ Гавриловичѣ, былъ сданъ, по контракту на нѣсколько лѣтъ, присяжному повѣренному Токарскому.

Саратовъ тогда находился подъ усиленной охраной. Всѣ пріѣзжающіе или перемѣняющіе квартиры обязательно должны были записываться на особомъ листѣ, который отсылался для записи въ полицію. Но какъ записать Николая Гавриловича, лишеннаго правъ и состоянія? Этотъ вопросъ очень озадачилъ Ольгу Сократовну. Для его разрѣшенія она обратилась къ полицеймейстеру, У. М. Готовицкому, человѣку доброй души; онъ возвратилъ Н. Г.—чу чинъ титулярнаго совѣтника, который онъ носилъ до ссылки въ Сибирь, и съ такимъ чиномъ былъ записанъ въ полицію.

Самъ Н. Г. не любилъ имѣть дѣла съ полиціей, самое имя ко-

торой приводило его, всегда кроткаго и смирнаго, въ гнѣвъ, раздраженіе и возмущеніе.

Въ Саратовѣ онъ велъ жизнь кабинетнаго ученаго, замкнутую, занимаясь переводомъ исторіи Вебера. Хотя у него и были здѣсь родные и знакомые, живы были даже товарищи его дѣтства,—Н. Г. не возстановлялъ прежнихъ знакомствъ, изъ чувства осторожности и боязни вызвать безпокойство полиціи и жандармовъ; къ тому же, работа поглощала все его время. Когда же онъ случайно встрѣтился на земской выставкѣ въ сентябрѣ 1889 г. съ товарищемъ своего дѣтства, К. П. Трушкинымъ, то былъ ему очень радъ, упротилъ прійти къ себѣ, на что Трушкинъ, не желая отвлекать Н. Г. отъ его занятій, согласился только послѣ усиленной просьбы. Онъ сказалъ, чтобы Николай Гавриловичъ прислалъ къ нему свою служанку, съ извѣстіемъ, когда у него будетъ свободное время.

Недѣли черезъ двѣ-три, Н. Г. прислалъ записку, и Трушкинъ пробылъ у него цѣлый вечеръ. Писатель съ громаднымъ удовольствіемъ вспоминалъ о прошломъ. Вообще, Н. Г. любилъ, когда его навѣщали родные и знакомые; онъ, давая себѣ отдыхъ отъ занятій, любезно и радушно принималъ гостей, при чемъ, прямо очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и лаской. Но посѣщенія незнакомыхъ, желавшихъ узнать его взгляды на современную жизнь, очень стѣсняли Николая Гавриловича, и онъ отдѣлывался обычно тѣмъ, что заговаривалъ съ ними о старинѣ. Ольга Сократовна также предпринимала всевозможныя средства, чтобы избавить мужа отъ посѣтителей, мѣшавшихъ ему заниматься. Чтобы не принимать такихъ гостей, которые являлись только съ цѣлью посмотрѣть Чернышевскаго, на дверяхъ его квартиры было вывѣшено такое объявленіе: „Н. Г. Чернышевскій принимаетъ только по самымъ нужнымъ дѣламъ“. Быть у Н. Г.—ча можно было до девяти часовъ вечера. Дольше этого времени ни одинъ гость не могъ сидѣть. Приходила Ольга Сократовна, и прямо говорила, что дольше девяти часовъ сидѣть нельзя. Если же гость засиживался, то Н. Г. наверстывалъ потерянное время тѣмъ, что просиживалъ за работой далеко за полночь.

Самъ же Н. Г. ни у кого не бывалъ, кромѣ родственниковъ—И. Н. Виноградова и Н. Д. Пыпина, несмотря ни на какія упрощенія. „Погодите“, говорилъ онъ обычно, „пріѣду и я къ вамъ; дайте только освоиться мнѣ съ Саратовомъ, а главное—нужно дать приглядѣться на себя“.

Съ гигиеническими цѣлями, Н. Г. каждый день выходилъ на свѣжій воздухъ. Въ одиннадцать часовъ утра онъ отправлялся на почту, а послѣ обѣда, часа въ четыре или въ пять, почти постоянно

гулялъ по бульвару, находившемуся противъ его квартиры; въ это время здѣсь гуляетъ обычно мало народу. Было замѣтно, что Николай Гавриловичъ любилъ, на старости лѣтъ, сидѣть въ этомъ саду, гдѣ когда-то онъ гулялъ въ молодости. Въ отсутствіе Чернышевскаго бульваръ очень измѣнился. На многолюдныхъ гуляньяхъ онъ показывался раза два—не больше: былъ на саратовской выставкѣ и на концертѣ въ саду Сервье.

Не зная Николая Гавриловича, многіе, замѣчая его интеллигентное лицо, высказывали предположеніе, что этотъ почтенный старикъ и есть Чернышевскій, но полицейскіе чины, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ сомнѣнія, обыкновенно увѣряли публику, что Чернышевскій имѣетъ совершенно другія примѣты ¹⁾.

Раза два-три въ недѣлю Н. Г. катался на извозчикѣ по горной части Саратова, заселенной бѣднымъ людомъ. Здѣсь онъ могъ ходить и ѣздить совершенно свободно, не обращая на себя ничьего вниманія. Тамъ онъ иногда посѣщалъ своего родственника, отставного учителя Саратовскаго духовнаго училища, И. Н. Виноградова, съ которымъ у нихъ были самыя дружескія отношенія. Получая тринадцатирублевою пенсію (въ мѣсяць), И. Н. жилъ въ маленькой хибаркѣ, въ которой находилась и кухонная печка; больной ногами, онъ не могъ ходить и нуждался въ очень теплой температурѣ. Но Николай Гавриловичъ не стѣснялся ни убогой обстановкой Виноградова, ни духотой атмосферы, которой требовали старческіе годы Ивана Николаевича, и всегда просиживалъ у него часа полтора; только въ послѣдствіи двадцати-пяти-градусная температура заставляла Н. Г.—ча просиживать здѣсь недолго, хотя онъ и старался охлаждать себя, избирая для сидѣнія мѣсто около окна.

По возвращеніи изъ ссылки, Н. Г. не любилъ говорить о Сибири. Даже слово Сибирь онъ замѣнялъ—*тамъ*. Вообще, все, что напоминало его тяжелые дни, было непріятно Николаю Гавриловичу. Обыкновенно тихій, скромный, онъ приходилъ въ изступленіе при каждомъ разспросѣ объ его званіи. Когда онъ, пріѣхавши въ Саратовъ, въ первый разъ пошелъ на почту получить деньги, и почтовый чиновникъ, не зная Чернышевскаго, попросилъ удостовѣренія его личности и сталъ спрашивать, отъ кого онъ получаетъ денежное письмо,—раздраженный Н. Г. сказалъ: „Эти допросы очень надоѣли мнѣ. На-те удостовѣреніе полицеймейстера, а если не вѣрите—обратитесь къ синимъ брюкамъ и полиціи. Мнѣ все это опротивѣло“.

¹⁾ Писемскій въ своемъ романѣ „Взбаломученное море“ придалъ Проскриптскому многія черты, присущія Чернышевскому, почему и говорили прежде, что Проскриптскій Писемскаго въ дѣйствительности—Чернышевскій.

Сказавъ это, онъ выбѣжалъ безъ фуражки изъ зданія почты. Когда же его попросили вернуться, Н. Г. замѣтилъ чиновнику: „Вы извините меня,—я поступилъ, какъ мальчишка“. Когда же ему предложили вскрыть пакетъ, — то эта формальность очень разсердила Н. Г—ча. Но затѣмъ онъ сошелся со всѣми почтовыми чиновниками, съ которыми былъ очень любезенъ. Эта любезность проявлялась, впрочемъ, у него всегда: имѣлъ ли Н. Г. дѣло съ товарищами, врагами,—онъ былъ необыкновенно предупредителенъ.

Домашнимъ удовольствіемъ Николая Гавриловича были кошки, которыхъ онъ очень любилъ, какъ и Магометъ. Кошки его очень забавляли, и Н. Г. часто занимался съ ними. Привяжетъ, бывало, нитки къ шарикамъ и смотритъ, какъ кошки играютъ съ ними. Для каждой кошки у него было свое блюдечко, которое она хорошо знала и изъ котораго ѣла. Одна любимая кошка была у Ольги Сократовны, а Н. Г—чъ имѣлъ свою кошку, очень къ нему привязанную. Кошки жили очень недружелюбно, и О. С. часто изгоняла изъ комнаты кошку-забіяку, любимицу Н. Г—ча. Когда же кошка Ольги Сократовны пропала, и у Чернышевскихъ, въ концѣ-концовъ, осталась одна кошка-любимица Н. Г.,—послѣдняя очень привязалась къ писателю: она бывала съ нимъ всегда, даже въ то время, когда онъ работалъ. Когда же Н. Г. въ одиннадцать часовъ утра, вмѣсто прогулки, шелъ на почту, получать или отправлять что-нибудь, то бралъ съ собою и кошку, которую сажалъ себѣ на плечи. Дойдя до угла улицы, онъ бросалъ ее, и она уходила домой.

Интересно отмѣтить, что, когда Николай Гавриловичъ умеръ и уже лежалъ на столѣ, — эта кошка пыталась нѣсколько разъ проникнуть къ нему.

Другое удовольствіе, которое доставлялъ себѣ Чернышевскій, было неумѣренное куреніе папиросъ. При разговорѣ съ кѣмъ-либо онъ постоянно курилъ, а такъ какъ готовыхъ папиросъ у него не было, то онъ едва успѣетъ выкурить одну папиросу, какъ уже набиваетъ другую.

ХІІІ. Болѣзнь.

Николай Гавриловичъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ. Почти никогда не обращался онъ къ докторамъ, къ тому же, и самъ имѣлъ нѣкоторыя познанія въ медицинѣ, съ которой познакомился въ университетѣ, живя на одной квартирѣ съ студентомъ-медикомъ.

Когда Н. Г. переѣхалъ въ Саратовъ,—его здоровье уже ослабѣло, онъ потѣлъ не только при подъемѣ на гору, но даже и при

скорой ходьбѣ. Комнатная температура въ 15° для него уже была недостаточна. „Я такъ постарѣлъ“, говорилъ онъ, „что чувствую холодъ при 16° температурѣ“.

Осень 1889 г. въ Саратовѣ стояла теплая, но обманчивая. Прохладный вѣтеръ съ Волги иногда давалъ себя чувствовать саратовской публикѣ, одѣтой въ лѣтніе костюмы; поэтому, въ эту осень было очень много простудныхъ заболѣваній.

Къ зимѣ этого года Чернышевскій сталъ чувствовать упадокъ силъ. Онъ часто жаловался на головныя боли, къ тому же у него былъ катарръ желудка, отъ котораго Н. Г. лѣчился діетой, а иногда и голодомъ. „Самое лучшее средство избавиться отъ катарра желудка“, говорилъ онъ, — „это—поститься, не ѣсть ничего; я и не ѣмъ иногда день, два, а иногда—пять дней, и только этимъ вылѣчиваюсь“. Разговорясь съ однимъ своимъ знакомымъ товарищемъ дѣтства, о катаррѣ, отъ котораго умерла жена этого знакомаго, Н. Г.—чъ сказалъ: „Если катарръ осложнится другими болѣзнями, то и моя смерть неизбежна“.

Н. Г. считалъ необходимыми для себя ежедневныя прогулки. Его прогулки-поѣздки по саратовскимъ „горамъ“ могли сослужить ему плохую службу. Надо знать, что горная часть Саратова отдѣляется отъ остального города Глѣбучевымъ оврагомъ, по которому осенью дуютъ порывистые вѣтры. Проѣзжая по оврагу отъ Виноградова, Н. Г.—чъ, потный послѣ черезчуръ теплой температуры его квартиры, часто простуживался. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ часто принималъ хину, чувствуя недомоганіе. Но, несмотря на свое нездоровье, онъ по-прежнему ежедневно ходилъ самъ на почту (хотя вполне могъ посылать туда своего секретаря); возвращаясь однажды съ почты, по Армянской улицѣ, онъ пропотѣлъ и распахнулся, отъ чего его продуло вѣтромъ, и Н. Г. слегъ въ постель.

Ольга Сократовна (въ половинѣ сентября 1889 г.) пригласила доктора А. В. Брюзгина, совсѣмъ незнакомаго Николаю Гавриловичу; съ О. С. онъ познакомился случайно, встрѣтившись у общихъ знакомыхъ, во время визитаціи Брюзгина къ больному. Несмотря на мимолетность знакомства, О. С. встрѣтила доктора, какъ родного еще въ передней.

На вопросъ Брюзгина, чѣмъ боленъ Николай Гавриловичъ, О. С., попросивъ его сѣсть въ залѣ (Н. Г. былъ въ это время въ кабинетѣ, дверь оттуда выходила въ залѣ и была затворена), взволнованная, стала просить Брюзгина лучше обследовать ея мужа. „Николай Гавриловичъ“, говорила она, „страдаетъ ракомъ, съ нимъ рвота,—ясный признакъ этой болѣзни. Подробнымъ изслѣдованіемъ болѣзни вы сдѣлаете доброе дѣло и для него, и для меня“.

Брюзгинъ спросилъ, когда заболѣлъ Н. Г.? Ольга Сократовна отвѣтила, что Н. Г. захворалъ вчера; на дворѣ было свѣжо, а Н. Г. былъ на прогулкѣ, прозябъ и заболѣлъ. „Николай Гавриловичъ“, жаловалась О. С. доктору, „очень упорный, но его непременно нужно заставить лѣчиться. За нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, нужно наблюдать даже тогда, когда онъ ходитъ. Какъ-то пошелъ онъ одинъ, наткнулся на тумбочку и очень ушибся“.

(Дѣйствительно, многіе факты убѣдили Ольгу Сократовну, что оставлять Н. Г.—ча одного иногда даже не совсѣмъ безопасно. Онъ иногда такъ бывалъ углубленъ въ свои думы, что не обращалъ никакого вниманія на окружающіе предметы. Сходя, напр., по лѣстницѣ, онъ, задумавшись, могъ бы упасть и разбиться, если бы кто-нибудь не поспѣшилъ къ нему на помощь. Случалось нѣсколько разъ, что въ такомъ состояніи Н. Г. часто проходилъ мимо своей квартиры и, когда приходилъ въ себя, то съ изумленіемъ замѣчалъ это. До какой степени былъ онъ разсѣянъ, говоритъ слѣдующій фактъ изъ его астраханской жизни. Одна барышня, которая часто посѣщала Чернышевскихъ, разъ сѣла на мѣсто Ольги Сократовны и стала разливать чай. Вышедши изъ своей комнаты, Н. Г. принялъ ее за О. С.—ну и поцѣловалъ ее въ щеку. Одиночныя прогулки Н. Г.—ча были очень чувствительны для кармана писателя, всегда почти тощаго. Онъ никогда не отказывалъ бѣднымъ, если они обращались къ нему съ просьбой о помощи. Разъ, во время безденежья, приходитъ Николай Гавриловичъ домой безъ верхняго пальто. Когда спросили, гдѣ его пальто,—онъ отвѣтилъ, что во время купанья на открытомъ берегу Волги у него утащили пальто. Только уже послѣ узнали истинную причину его исчезновенія: Н. Г. самъ отдалъ пальто одному нуждающемуся чиновнику).

Произошло большое замѣшательство, когда Брюзгинъ вмѣстѣ съ О. С.—ной вошли въ кабинетъ; оказалось, что О. С. призвала доктора противъ желанія Н. Г.—ча совѣтоваться съ какимъ бы то ни было врачомъ и даже не предупредила о приходѣ доктора. Узнавъ о причинѣ прихода Брюзгина, который долженъ былъ отрекомендоваться и сказать: „Ваша жена просила меня изслѣдовать вашу болѣзнь“, Н. Г. чрезвычайно удивился его приходу и рѣшительно отказался позволить себя изслѣдовать, хотя, по обычаю, принялъ Брюзгина очень любезно.

Врачъ очутился въ неловкомъ положеніи.

При взглядѣ на Николая Гавриловича, можно было замѣтить, что онъ находился въ сильно возбужденномъ состояніи, температура была, повидимому, около 40°, его знобило, пробирала дрожь; говорить быстро, нервно.

Н. Г. полулежалъ на турецкомъ диванѣ. Часто свертывалъ и курилъ папирасы.

Когда Брюзгинъ, спустя нѣкоторое время, уже не какъ врачъ, а просто знакомый Н. Г.—ча и любезно имъ принятый, посоветовалъ ему не избѣгать докторскаго изслѣдованія и лѣченія,—Н. Г. замѣтилъ ему: „Я очень радъ нашему знакомству и прошу васъ бывать у меня, но въ настоящее время, если вы хотите сдѣлать мнѣ приятное,—прошу васъ не изслѣдовать меня: я не нуждаюсь въ медицинскомъ пособіи. Я самъ хорошо знаю и медицину, и свою болѣзнь и никогда не прибѣгаю къ пособію докторовъ. Только разъ во всю мою жизнь свидѣтельствовалъ меня мой другъ, докторъ Бокковъ (ординаторъ С. П. Боткина), и то только послѣ усиленной просьбы“.

— „Я не совсѣмъ васъ понимаю. Однако, жена ваша сильно за васъ беспокоится: у васъ, по ея словамъ, бываетъ даже кровавая рвота. Вы непонятно для меня относитесь къ докторамъ и врачебной помощи“, сказалъ ему на это Брюзгинъ, „даже лучшіе доктора сами не лѣчатъ себя. Здѣсь ошибка всегда возможна. Они не могутъ изслѣдовать себя“.

— „Я глубоко уважаю, какъ врачей, такъ и медицину, но въ настоящее время въ вашемъ изслѣдованіи я вижу только одно безцѣльное и надоѣдливое ухаживаніе за собою жены“, отвѣтилъ Николай Гавриловичъ; „полжизни идетъ на это ухаживаніе. Вы вынуждаете меня сказать то, чего я не хотѣлъ. Повторяю, я хорошо знаю, что я страдаю гастрическою лихорадкою. Со мной это часто было. Я большую часть жизни провелъ въ дикой странѣ (Виллюскъ); чтобъ дать вамъ понять, какъ тамъ живутъ люди и чѣмъ питаются, я укажу на слѣдующее. Мясо, которое мы съ вами, живущіе здѣсь, считаемъ за недожаренное, тамъ принимаютъ за пережаренное, поэтому, я питался тамъ почти исключительно молокомъ и кашницей, да и съ дѣтства привыкъ къ пищѣ простой,—гастрономическихъ кушаній для меня не существуетъ. Для меня хороши только кашница да молоко, а жена то и дѣло твердитъ мнѣ: „Ты себя истощаешь“ и пристаётъ ко мнѣ: „Отчего ты не ѣшь?“ Ну, я и ѣмъ.... а послѣ ѣды искусственно вызываю рвоту, чтобы мнѣ не было худо. Теперь же моя нервная жена заставляетъ меня ѣсть даже то, что мнѣ вредитъ. Она думаетъ, что я буду здоровѣй отъ той пищи, которой она пичкаетъ меня. На самомъ же дѣлѣ отъ подобной пищи я и заболѣлъ теперь. Подобное питаніе и вредитъ мнѣ. Послѣ ѣды—со мной „фридрихъ-ераусъ“. Не далѣе, какъ вчера, варили почки, которыя жена заставила меня ѣсть; въ угоду ей... я ѣлъ почки, но, сознавая, что подобная пища мнѣ вредна, я вынужденъ былъ ис-

кусственно пальцемъ произвести себѣ рвоту; вотъ, и причина той рвоты, о которой передавала вамъ моя жена; крови же въ рвотѣ никогда не встрѣчалось. Какъ видите, я противъ своей воли и желанія, питаюсь не тѣмъ, что принимаетъ мой желудокъ. Я глубоко убѣжденъ, что я выздоровѣю, если я только буду освобожденъ отъ этого и соблюду діету. Для успокоенія жены я буду принимать какія угодно лѣкарства, сказалъ Н. Г. на прощанье доктору. „Ради Бога, передайте женѣ, что вы меня изслѣдовали“...

Такая откровенность поразила Брюзгина, слышавшаго о скрытномъ характерѣ Чернышевскаго. „Я“, говоритъ Брюзгинъ, „не ожидалъ такого дѣйствія, которое произвели на него мои слова. Онъ, противъ обыкновенія, пустился на такую откровенность, какую не каждый выскажетъ. Онъ выложилъ предо мной все свои неудовольствія“. Въ то же время Брюзгинъ замѣтилъ полное нежеланіе Николая Гавриловича пользоваться какимъ бы то ни было докторскимъ пособіемъ. Онъ, какъ было видно по тону разговора и выраженію лица, былъ такъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ своихъ словъ, что уговаривать его болѣе на подробное медицинское изслѣдованіе не представлялось никакой возможности. Volens-polens нужно было оказать ему и Ольгѣ Сократовнѣ посильную помощь. Къ этому побуждала врача и несерьезность, по мнѣнію послѣдняго, болѣзни Николая Гавриловича.

Общій видъ больного, его недавнее заболѣваніе, высокая температура, нечастое и глубокое дыханіе, отчасти рассказъ Н. Г.—ча о своей болѣзни и своей жизни въ Сибири, странѣ болотистой, заставляли врача смотрѣть на Н. Г., какъ на неопасно больного; Брюзгинъ діагностицировалъ приступъ малярійной лихорадки. Впослѣдствіи діагнозъ показалъ увеличеніе селезенки, что ясно показывало на застарѣлость маляріи. Да и безъ подробнаго изслѣдованія, уже по одному внѣшнему виду больного было видно, что онъ страдаетъ маляріей.

Въ Саратовѣ, особенно въ августѣ и сентябрѣ, бываетъ масса страждущихъ приступами маляріи; вѣроятно, это объясняется спадомъ воды на Волгѣ. Пароксизмы маляріи сопровождаются сильнымъ жаромъ и иногда бредомъ. Иногда дѣйствіе малярійнаго яда сосредоточивается только на желудкѣ и выражается только явленіями со стороны послѣдняго; это—такъ называемая гастрическая лихорадка старыхъ авторовъ, которую находилъ у себя Николай Гавриловичъ. Но „завѣреніе Н. Г.“, говоритъ д-ръ Брюзгинъ, „что съ нимъ гастрическая лихорадка,—хотя оно и было сказано самоувѣренно,—не выдерживало ни малѣйшей критики, а равно и то, что онъ знакомъ съ медициной“.

Успокоивъ жену Н. Г—ча, переведа разговоръ на посторонніе предметы, врачъ посовѣтовалъ дать пріемъ хинина въ десять гранъ. Оказалось, что хининъ, былъ въ квартирѣ Чернышевскихъ въ большемъ количествѣ, и Н. Г., по словамъ жены, очень часто принималъ его и выздоравливалъ. Хининъ, по просьбѣ О. С—ны, былъ принятъ Николаемъ Гавриловичемъ въ присутствіи врача. Послѣ этого Н. Г. любезно простился съ врачомъ и вторично просилъ его бывать у себя, но только не какъ врача, а какъ знакомаго.

Ночью Н. Г. потѣлъ, и на другой день былъ здоровъ, что служило яснымъ доказательствомъ вѣрности діагноза болѣзни Н. Г—ча; но все-таки О. С. не повѣрила доктору, что съ мужемъ—малярія,—она настаивала, что онъ боленъ ракомъ.

Четырнадцатаго октября, въ семь или восемь часовъ вечера, д-ра Брюзгина вторично приглашаютъ къ Чернышевскому. Встрѣчаетъ О. С—на, опять нервная и очень взволнованная, проситъ изслѣдовать Н. Г—ча и прямо опредѣляетъ его болѣзнь, которая, по ея убѣжденію, уже не ракъ, а воспаленіе мозга. Какихъ-либо фактовъ въ пользу своего опредѣленія болѣзни, кромѣ указанія на бредъ Н. Г—ча, она привести не можетъ.

Прежде, чѣмъ войти въ кабинетъ, Ольга Сократовна просила доктора сѣсть опять въ залъ и послушать, „сядьте и послушайте“, какъ Н. Г. бредитъ. Дѣйствительно, въ залѣ отчетливо было слышно, какъ кто-то твердо и отчетливо, связно и краснорѣчиво диктуетъ какія-то историческія свѣдѣнія. Н. Г. бредилъ переводомъ исторіи Вебера. Бредъ былъ настолько отчетливъ, что его весь можно было записать. Если бы не было тѣхъ паузъ, которыя обыкновенно дѣлаются диктующими, и если бы врачъ не былъ предупрежденъ Ольгой Сократовной,—онъ подумалъ бы, что въ сосѣдней комнатѣ читается лекція исторіи даровитымъ учителемъ. По словамъ врача, бредъ Н. Г. былъ настолько интересенъ по содержанію и красотѣ слога, что только обязанность доктора—немедленно приступить къ осмотру больного заставила его войти въ кабинетъ.

Н. Г. лежалъ на своемъ любимомъ турецкомъ диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ, по временамъ производилъ какіе-то жесты приподнятой лѣвой рукой. Больной продолжалъ бредить; при громкомъ окликѣ, переставалъ говорить, но не надолго, на вѣсколько секундъ. Пользуясь положеніемъ Н. Г—ча, докторъ начинаетъ изслѣдованіе и находитъ—температура—около 39°, легкія въ порядкѣ, пульсъ—полный, нечастый, тоны сердца—чисты, лучевыя артеріи склеризированы, печень и селезенка увеличены; запора нѣтъ; отправленія желудочно-кишечнаго канала—нормальны; зрачки реагируютъ на свѣтъ.

Хотя состояніе сердца было и не изъ важныхъ,—все же, Н. Г.—чь могъ бы прожить имъ лѣтъ десять.

Заболѣлъ Н. Г. въ этотъ день (14 окт.); причина—почти та же самая, что и въ первый разъ. Ясно было, что съ Н. Г.—чемъ опять былъ пароксизмъ той же болотной лихорадки. Ея ядъ можетъ производить возбуждающее дѣйствіе на мозговья оболочки; въ данную минуту у Н. Г.—ча и было такое именно состояніе, а отнюдь не воспаленіе мозга. Бредъ его указывалъ на разстройство нервовъ (послѣднее произошло отъ непріятностей) и вообще на слабость нервной системы. Надо замѣтить, что въ Саратовѣ очень часто люди нервны, особенно, много работающіе головнымъ мозгомъ, при температурѣ 39° страдаютъ бредомъ.

Было дано опять десять гранъ хинина въ растворѣ вечеромъ этого дня и столько же утромъ слѣдующаго.

Пятнадцатаго октября, въ восемь часовъ утра, когда пришелъ докторъ, Н. Г. сидѣлъ. Оказалось, что ночью онъ потѣлъ, температура упала до нормы, пульсъ былъ хорошей. Онъ любезно говорилъ съ докторомъ, былъ веселъ и шутилъ, при этомъ, онъ передалъ, что помнитъ, какъ приходилъ вчера докторъ. Когда тотъ предложилъ произвести осмотръ больного, Николай Гавриловичъ безпрекословно позволилъ сдѣлать это. „Такимъ образомъ, онъ въ первый разъ высказалъ желаніе видѣться и совѣтоваться со мной“, говоритъ г. Брюзгинъ въ запискахъ Ф. В. Духовникова, „именно какъ съ врачомъ“.

При изслѣдованіи, Н. Г. жаловался на боль въ спинныхъ и поясничныхъ мышцахъ и просилъ прописать ему какую-нибудь мазь. „Я ослабѣлъ; дайте отдохнуть мнѣ“, сказалъ онъ, и всѣ вышли изъ его комнаты. Пароксизмъ уже прошелъ, и Н. Г.—чу необходимо было дать покой.

— „Какъ вы нашли его? Опасно онъ боленъ? Съ нимъ воспаленіе мозга?“ забрасывала Ольга Сократовна вопросами доктора, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать.

На его отвѣтъ, что съ Николаемъ Гавриловичемъ нѣтъ воспаления мозга, а его прежняя болѣзнь, малярія, О. С.—на разсердилась, даже не повѣрила и стала возражать. Она стала спрашивать доктора, чѣмъ кормить больного. Брюзгинъ отвѣтилъ ей: „Давайте то, что онъ самъ спроситъ; онъ не будетъ ѣсть, что для него вредно“.

— „Онъ только молоко пьетъ“, возразила О. С.

— „Ну, и пусть пьетъ“, отвѣтилъ докторъ.

— „Я не даю ему много, онъ слишкомъ много пьетъ, иногда по цѣлой крынкѣ въ сутки, а то и болѣе“, возражаетъ она опять.

Г. Брюзгинъ высказываетъ удовольствіе по поводу хорошаго аппетита Н. Г—ча. О. С. опять волнуется. Докторъ посовѣтовалъ ей не волноваться и успокоиться, а, главное, дать полнѣйшій покой Н. Г—чу и предоставить ему самому распоряжаться всѣмъ и отнюдь ничѣмъ не раздражать его.

А. А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

